

А то, что шло, уже
настало
И так над нами
и застыло.
И закипает, и вскипает,
И жжет, и лишь бы не
остыло.
На перекошенных
пуантах
Сама судьба заходит
с тыла.
И по ее горчащей
милости
За все грехи
и невиновности
Мне из души твоей не
вылезти.
Такие новости.

Анна Озар

А.К. с благодарностью

Все события вымышлены,
любые совпадения случайны.

Зарево заливало небо там, где и положено было начинаться зимнему восходу, — на юго-востоке. Оно было необычайно ярким: оранжевым с малиновыми всполохами, расцветивающими темное, словно предгрозовое небо. Хотя какая может быть гроза в январе. Да и восход — Радецкий скосил глаза на стоящие на тумбочке электронные часы — в половине четвертого утра в январе невозможен, а значит, зарево означало что-то совсем другое. Тревожное.

Он проснулся от всполохов, потому что терпеть не мог штор и никогда их не закрывал, предпочитая смотреть на небо и на бьющие в стекло ветви яблонь, а не на кусок пыльной ткани. Он вообще не терпел никаких ограничений своей свободы, будь то введенные запреты, какие-то нелепые женские требования, задраенные люки, закрытые двери или задернутые шторы. И, несмотря на любые посягательства, всю жизнь оставался ничей.

Полыхало довольно далеко. Точно не в его поселке, расположенном в тридцати километрах от города. Фантазия построить здесь дом, чтобы переехать жить «на природу» на постоянной основе, пришла ему в голову семь лет назад, и года три ушло на то, чтобы воплотить ее в жизнь до мельчайших деталей, которые Радецкий продумывал тщательно и с искренним азартом. Именно так он делал все, за что брался.

Он был уверен, что жизнь дана для того, чтобы получать от нее удовольствие, и черпал его большой ложкой отовсюду — из скрипящего под ногами свежесвыпавшего снега во дворе, хорошего фильма, удачной книги, порции суши в любимом японском ресторанчике, скорости, на которой привык гонять по трассе, фитнеса и даже легкого скепсиса, с которым он относился к этим занятиям и к самому себе.

И от дома своего — добротного, основательного, комфортного, отделенного от соседей надежным забором, за который никто даже и не думал соваться, ибо все в поселке знали, что Владимир Радецкий человек крайне замкнутый, практически нелюдимый, — он тоже получал искреннее удовольствие, пусть с недавних пор и жил здесь один. Точнее, вдвоем с собакой.

Собаку купили дочке на день рождения, когда та училась в одиннадцатом классе. Радецкий, разумеется, был против, потому что знал жизнь. Для того чтобы предсказать, что будет дальше, не надо быть провидцем. Спустя полгода дочка уехала в Санкт-Петербург поступать в университет, откуда в их областной центр уже не вернулась, а невероятно породистая псина с красивым именем Сильва Фелисия осталась в безраздельной собственности Радецкого, которого почитала за бога. Он звал ее Фасолькой и просто обожал.

Сейчас Фасолька сидела рядом с кроватью и глядела на хозяина с вопросом: волноваться уже или пока не стоит?

— Не стоит, — вслух заверил ее Радецкий, слез с кровати, подошел к незашторенному окну.

Разбужившее его зарево становилось все ярче, занимая собой уже примерно с половину видневшегося в окне неба. Пожар, а это был именно он, полыхал с такой силой, что сомневаться в его гибельности не приходилось. Судя по направлению, откуда доносились всполохи, и легкому, но

отчетливому запаху гари, горело на территории небольшого дачного товарищества, расположенного километрах в трех от его поселка.

Дачи там были старые, еще советских времен, с участками в три-пять соток и небольшими щитовыми постройками, огонь мог легко перекидываться с одной на другую и мгновенно распространяться, неся беду. Конечно, зимних домов там не было, по осени дачники консервировали свои жилища, увозя из них все мало-мальски ценное, что могло вызвать интерес граждан без определенного места жительства, но эти самые бомжи все равно забирались внутрь в призрачной надежде пожить хотя бы оставленными запасами круп, а также немного погреться. Скорее всего, огонь, разведенный с этой целью, как уже не раз бывало, и стал причиной пожара.

Вернувшись в кровать, Радецкий позвонил в спасательную службу, а потом, немного подумав, набрал номер врача, дежурившего сегодня в Центре катастроф. Он всегда знал, кто именно сегодня дежурит во всех отделениях областной больницы, которой руководил. Это было давно взятое за основу правило, потому что оно позволяло в нужные моменты существенно экономить время.

Трубку взяли только с пятого гудка, из чего следовал вывод, что ночь сегодня проходит спокойно.

– Да, Владимир Николаевич, – услышал он голос в трубке и улыбнулся краешком губ от сквозившей в голосе покорности злодейке-судьбе, в очередной, который уже раз, не давшей возможности выспаться на дежурстве.

– Илья Сергеевич, простите, что разбудил, но недалеко от Покровки сильный пожар. Спасатели выехали, так что, возможно, вам сейчас пострадавших привезут. Будьте готовы.

– Принял, – голос в трубке стал сосредоточенным. – Пострадавших-то много?

– Понятия не имею, – признался Радецкий, – но, судя по тому, как полыхает, могут быть. Хотя... Если честно, при такой силе огня, скорее всего, не будет.

– Будем готовы на всякий случай, – спокойно сказала трубка.

Цинизм начальника никого удивить не мог, ибо к этой форме защитной реакции – бесконечной циничности – все они приходили рано или поздно, и была она таким же обязательным атрибутом профессии, как когда-то белый халат, а сейчас цветной костюм. Любой врач постоянно ощущает всю меру колоссальной ответственности за принятые им решения. Излишняя чувствительность же – главный враг четкой работы мысли, и тратить время на эмоции, когда каждый день видишь, насколько тонка грань, отделяющая жизнь от смерти, ей-богу, непозволительная роскошь.

Радецкий и не испытывал сейчас никаких эмоций. Бушевавший по соседству пожар не мог иметь к нему никакого отношения, поэтому, сделав все, что возможно в подобной ситуации, он снова лег в постель и тут же уснул. До звонка будильника, который каждое утро раздавался ровно в шесть, оставалось два часа.

* * *

Влада ненавидела рано вставать, причем к понятию «рано» относилось любое время до девяти утра. Проснувшись, она не спеша пила кофе, бездумно глядя в окно, потом шла в душ, контрастный, чтобы окончательно прогнать сонную одурь, затем делала обязательные упражнения на растяжку, готовила какой-нибудь полезный и, что важно, красиво сер-

вированный завтрак, потом гуляла с собакой — одышливым мопсом Беней, которого она забрала себе после того, как его подбросили в ветеринарную клинику.

Влада тогда заехала за работавшей там подругой, потому что у них был запланирован девичник, и обнаружила ту в ярости из-за найденного под дверью клиники пса. Его поводок просто привязали к дверной ручке и ушли, несмотря на двадцатипятиградусный мороз. Хорошо еще, что заметили мопса довольно быстро, минут через двадцать, и лапы он отморозить не успел, как и простудиться, но все равно с найденышем нужно было что-то делать. Они и сделали — Влада забрала пса, которому на тот момент, судя по состоянию зубов, было около трех лет, домой, и вот уже шесть лет он жил с ней, превратившись в немолодого, но пока еще не дряхлого степенного господина, довольно привередливого, как и положено избалованному донельзя существу.

После прогулки с Беней следовало вымыть собачьи лапы, насыпать в миску корм, придирчиво подобрать себе наряд, соответствующий задачам сегодняшнего дня, соорудить на голове приличную прическу, накраситься и поехать наконец в офис. Как правило, Влада появлялась там в районе одиннадцати утра, хотя весь коллектив работал с девяти. Будучи единоличной владелицей фирмы и директором в одном лице, Влада Громова вполне могла позволить себе подобную роскошь.

Она была классической «совой» и пика работоспособности достигала часам к двум, а потому все важные переговоры назначала на вторую половину дня, зато и работать могла до восьми-девяти часов вечера, задерживаясь в офисе позже всех и оставляя под конец дня работу с документами, бухгалтерскими проводками, деловыми письмами и анализом отчетов сотрудников.

Ей нравилось, что в эти минуты она остается одна и ее никто не отвлекает сторонними разговорами, неминуемыми в любом достаточно дружном коллективе. Нет, она ценила и уважала своих подчиненных, которых вдумчиво собирала много лет, отслеживая и оценивая сильные стороны, переманивая у конкурентов и покупая по цене гораздо выше рынка, но лучше всего ей работалось в тишине.

Днем она была «зажигалкой», стимулятором, мотиватором, «жилеткой», «мамой» и старшим товарищем, удачливой бизнесвумен, не боящейся риска и готовой на самые неожиданные финансовые схемы, а вечером становилась вдумчивым и осторожным контролером. В первую очередь для себя самой.

К счастью, работать в этом крайне удобном для себя режиме, выработанном и отточенном за много лет до мелочей, она вполне могла себе позволить, поскольку дома ее никто, кроме Бени, не ждал. Взрослый сын как уехал учиться на факультет фундаментальной медицины в МГУ, так по его окончании там и остался, поступив теперь в аспирантуру. Сыном Влада гордилась и из-за его отсутствия не скучала: во-первых, ее род деятельности подразумевал частые командировки в столицу, а во-вторых, современные технологии позволяли постоянно оставаться на связи, даже находясь в разных городах.

Беню днем выгуливала домработница, она же закупала продукты и готовила нехитрый ужин, так что в позднем возвращении домой не было ничего некомфортного. Загнав машину за ворота элитного дома, в который она переехала год назад, Влада заходила в квартиру, переодевалась в спортивный костюм, собирала волосы в хвостик, цепляла на поводок сопящего Беню, выходила на берег реки, окна на которую были решающим фактором при выборе новой

квартиры, полчаса неспешно гуляла, вдыхая речной воздух и проветривая голову от всех проблем дня, после чего возвращалась домой уже насовсем, быстро ужинала, наливала чашку чаю и залезала с ногами на диван перед телевизором, где ее ждал очередной эпизод какого-нибудь сериала.

Беня укладывался в ногах и уютно похрапывал, иногда открывая один глаз, чтобы убедиться, что хозяйка никуда не делась. Это был ее способ отдыха, проверенный и любимый, и во сколько начинался вечерний релакс – в десять или в половину одиннадцатого, – не имело никакого значения. Перед сном Влада еще читала книгу и пролистывала ленту соцсетей, выключая свет в спальне в час, а то и в два ночи, и прекрасно высыпалась до звонка будильника, установленного на девять утра. Это был удобный для нее распорядок дня, который никому не мешал и никого не касался.

Но только не сегодня. Нынче в девять утра ей уже надлежало явиться на деловую встречу к главному врачу областной больницы Владимиру Радецкому. Фирма Владиславы Громовой выиграла тендер на поставку и оснащение под ключ новой гибридной операционной. Для того чтобы уложиться в сроки контракта, который Влада подписала пятнадцатого января, начинать нужно было немедленно, и если все предварительные раунды переговоров она проводила с руководителем контрактной службы, то непосредственно ход работ собирался курировать лично главный врач.

Влада его, разумеется, знала, но не любила: эстет и сноб, он всегда смотрел свысока, что, впрочем, с разницей в их росте было вполне объяснимо, и с каким-то странным выражением в серых глазах. Однозначно назвать его презрением Влада бы не решилась, но смутное сходство было, и, будучи женщиной гордой, она всякий раз испытывала какой-то внутренний протест, заставляющий ее, нет,

не избегать главврача областной больницы, но общаться с ним как можно меньше.

Его заместители, с которыми она обычно работала, знали об особенностях ее биоритмов и относились к ним с пониманием. На все деловые встречи Влада обычно приезжала в больницу к двум часам дня, но от Владимира Радецкого снисхождения к ее слабостям ждать не приходилось — встречу он назначил на девять утра, и тон его голоса в телефонной трубке почему-то совершенно отбивал желание спорить.

Будильник пришлось поставить на половину седьмого, потому что в непривычное время организм все делал гораздо медленнее, чем обычно. Контрастный душ не помогал проснуться, хотя Влада сегодня попеременно лила на себя то практически кипяток, то ледяную воду, выпала из рук и разбилась кофейная чашка, напаянные впопыхах колготки оказались с дыркой, новые Влада зацепила ногтем, и по ним тут же поползла отвратительная дорожка. Психанув, пришлось нацепить брюки, хотя обычно на деловые встречи Влада старалась их не носить.

Она была маленького роста — метр пятьдесят семь, — и платья и юбки подчеркивали хрупкость ее фигурки, скрывая главные внутренние качества — целеустремленность, умение идти до конца, несгибаемую волю и цепкий деловой ум, позволивший двадцать лет назад открыть сложный, очень мужской бизнес и все эти годы не просто выживать, а состояться в нем, не давая себя не то что сожрать, а просто откусить долю больше, чем она позволяла.

Ее образ ввел в заблуждение многих сильных мира сего, выдавали Владу обычно лишь глаза — взгляд человека, за сорок семь лет много раз сталкивавшегося с подлостью, несправедливостью, предательством, обманом и разрулившего

слишком много проблем. Глаза ее сокрушали имидж слабой, во многом наивной дурочки, который помогал обводить вокруг пальца конкурентов. Обычно те обнаруживали, что имеют дело не с порхающим эльфом, уже тогда, когда вокруг их горла сжимались стальные челюсти. Платья, облегающие изящную фигурку и колышущиеся вокруг стройных ног, отвлекали внимание от глаз. Но сегодня пришлось надеть брюки, потому что возиться с колготками было уже совсем некогда.

В довершение ко всем неприятностям в брелочке от машины села батарейка, и Влада, уже отчаянно понимая, что опаздывает, все дергала ручку дверцы, как будто это могло помочь попасть внутрь, а потом все-таки, чертыхаясь, побежала обратно в квартиру, вызвав у Бени припадок неожиданной радости оттого, что хозяйка вернулась, а потом такого же острого горя оттого, что она все-таки уходит. Когда она, визжа шинами своего BMW, вылетела со двора, едва не задев створку не успевших до конца раскрыться ворот, часы показывали 8:40. Для того чтобы добраться до областной больницы, ей требовалось не менее получаса. Представив ироничное лицо Радецкого, выразительно смотрящего на часы, она неприлично выругалась и вдавила в пол педаль газа.

– Анечка, я опоздала, уже сердится, да? – спросила она у секретарши, влетев в приемную главного врача областной больницы и кое-как пристроив шубку на вешалку.

– Ничего страшного, Владислава Игоревна, – неожиданно успокоила ее та. – Владимир Николаевич просил обождать, он как по отделениям ушел, так не вернулся еще. Вроде в хирургии случилось что-то.

Наверное, радоваться приключившемуся в больнице ЧП было некрасиво, но Влада испытала острый укол облегче-

ния. Не придется краснеть из-за того, что она опоздала на встречу, потому что Радецкий не узнает, что ее не было в приемной вовремя.

– Ты ведь меня не выдашь? – спросила она секретаршу. Та с улыбкой кивнула, мол, какой разговор.

Влада села на стул, чинно сложив руки на коленях и придав взору смирение. Пай-девочка, да и только. Сделала она это вовремя, потому что открылась дверь и в приемную влетел Радецкий.

– Прошу прощения, – отрывисто бросил он, – проходите. Анечка, кофе.

– Мне – чай, – безмятежно пропела Влада, скорее из чувства противоречия, чем из нежелания кофе. Вторую положенную с утра чашку она выпить не успела, и спать хотелось по-прежнему ужасно.

– Владиславе Игоревне – чай, – легко согласился хозяин кабинета и распахнул перед Владой дверь.

Что ж, по крайней мере, он помнит ее имя-отчество. Оказавшись внутри, Влада быстро разложила на столе для переговоров принесенные документы и чертежи. Ремонт в помещении под новую операционную был уже сделан: поменена электропроводка, установлен свинцовый защитный экран, усилена конструкция потолка и пола, поскольку вес оборудования, поставляемого в рамках контракта, составлял без малого две с половиной тонны.

Под гибридные операционные вообще не годились стандартные помещения, привычные для врачей. Выполняемые в них операции требовали удобного размещения команды из восьми-двадцати человек, включая анестезиологов, хирургов, медсестер, технических специалистов, перфузиологов и другого персонала поддержки. На картинках, разложенных Владой, изображенные в 3D-проекции поме-

щения больше напоминали центр управления полетами, чем больницу. Даже не стадии проекта Влада гордилась этим своим детищем, на подготовку к которому потратила почти год. А уж когда оно будет реализовано...

Не обращая внимания на принесенный чай, она быстро и обстоятельно докладывала о первых шагах, которые намеревалась предпринять в ближайшее время, а также о содействии со стороны персонала больницы, которое ей было необходимо. Радецкий слушал, делая пометки в лежащем перед ним блокноте. Вопросы задавал по делу, без язвительности, иронических взглядов не кидал, и на том спасибо. Через полчаса Влада чувствовала себя так, словно сдала какой-то неведомый ей экзамен.

– Мы вместе с партнерами старались продумать все до мелочей, – говорила она, вполне довольная, что голос ее звучит твердо и уверенно, – но мы готовы выслушать пожелания всех ваших специалистов, которые в будущем будут здесь работать. Ваши возможные дополнительные требования повлияют на конечный дизайн помещения, поэтому мы предлагаем провести работу в несколько итераций. В результате мы получим индивидуальное решение в той конфигурации, которая будет удобна всей вашей команде.

– Помещение вы уже осмотрели?

– Да. Конечно, и не один раз. Еще на стадии проекта. Мы выдвигали свои предложения по ремонту, Олег Павлович их учел все до единого. Мои специалисты вчера начали завозить на объект необходимые инструменты и оборудование, сегодня эта работа продолжается.

Олег Павлович Тихомиров был заместителем главного врача по хозяйственным вопросам, и, готовясь еще к первому проекту в больнице, Влада провела с ним немало времени, чтобы найти общий язык. Хороший он оказался

мужик: простой, веселый, готовый до бесконечности балагурить, снимая напряжение, то и дело возникающее, когда сложных задач много, а времени на их решение совсем наоборот. Владе с ним было легко.

– Чудесно. Работайте с Олегом Павловичем, но эта операционная слишком важна для больницы, так что не обессудьте, весь процесс я буду контролировать сам, – сообщил Радецкий.

Влада открыла рот, чтобы сообщить, что ничего не имеет против, но не успела, потому что дверь распахнулась и в кабинет ввалился Сергей Королев, заведующий хирургическим отделением. То, что это именно он, Влада поняла скорее по общему образу, потому что на Королеве, что называется, лица не было. Видимо, случилось что-то серьезное, и Влада неожиданно напряглась, хотя к ней происходящее не имело ни малейшего отношения.

– Простите, Владимир Николаевич, – скороговоркой проговорил он, – я понимаю, что вы заняты, но еще полчаса прошло. Я просто не представляю, что делать.

– Идите домой, Сергей Александрович, – ровным голосом сказал Радецкий. – Дежурство сдали? Идите домой.

– У меня сегодня три операции назначены.

– Вас сегодня к столу точно подпускать нельзя, – в голосе Радецкого прорезалась жесть, и Влада внутренне поежилась. – Перераспределите пациентов между своими хирургами и идите.

– Домой я не пойду.

– Идите куда хотите. Подозреваю, что вы отправитесь объезжать адреса, по которым может находиться эта ваша Юля. Кстати, когда она найдется, попросите ее прийти на работу с готовой объяснительной, почему она не вышла на дежурство.

– Владимир Николаевич, я же вам говорил, что на-верняка с ней случилось что-то страшное. Она не могла пропустить дежурство. Тем более не предупредив меня. И родители не знают, где она. Они были уверены, что она в больнице, и теперь с ума сходят.

– Так вы, Сергей Александрович, их с ума и сводите. С собой за компанию. У исчезновения этой вашей Юли есть вполне простое объяснение, которое вы чуть позже узнаете. Как я понял, больницы и морги вы уже обзвонили?

– Да, разумеется, еще ночью.

– Значит, все хорошо. Найдется ваша красавица. Идите, Сергей Александрович, распределите операции и приведите себя в порядок. Что за детство, ей-богу.

На Королева было жалко смотреть. У него тряслось лицо, прыгали губы и мелко-мелко дрожали руки. Даже Владе было совершенно очевидно, что оперировать он сегодня не сможет. В глазах у него стояли слезы. Коротко кивнув главврачу и пробормотав что-то среднее между «спасибо» и «черт тебя подери», он скрылся за дверью.

– Детский сад, – в сердцах сказал Радецкий, – взрослый же человек, и такие страсти.

– Что-то случилось? – спросила Влада, скорее из вежливости, чем из искреннего интереса. Она редко испытывала любопытство по поводу того, что ее не касалось.

– Да ничего не случилось. Медсестра из отделения кардиохирургии не вышла на ночное дежурство. Я ее на работу-то взял перед самым Новым годом, и вот тебе, месяц прошел, а она уже такие фортели выкидывает. И не хотел же, знал, что ничего хорошего из этого не выйдет, но позволил себя уговорить.

– Почему не хотели? Она плохой специалист?

– Да хороший она специалист. Наверное. Не в этом дело. Королев очень просил, чтобы она у нас работала, пусть даже не в его отделении. Не буду вдаваться в детали, но там личное.

Влада представила бледное лицо с трясущимися губами и все поняла. У Королева с медсестричкой Юлей случился роман. Встречаться со своей страстью женатому человеку особенно некогда, а в больнице очень даже удобно, особенно если ставить в график совместные дежурства. А график оформляет кто? Завотделением, так что никаких проблем, и не важно, что отделения разные. Королев может свои дежурства под график медсестрички с соседнего отделения подогнать либо со своим коллегой из кардиохирургии договориться. А того, что всего через месяц такой совместной работы девушка вильнет хвостом и Королева цинично бросит, да еще пропустив смену, этого Сергей Александрович, разумеется, предвидеть не мог. А зря. Из служебных романов никогда ничего хорошего не выходит.

– Владислава Игоревна, давайте вернемся к работе, – голос Радецкого вывел ее из мыслей, в которые она погрузилась, – времени осталось не так много, у меня вот-вот следующее совещание.

– Во-первых, отведенное мне время сократилось не по моей вине, – тут же парировала Влада, – а во-вторых, я почти закончила. Нам нужен перечень ваших предпочтений по этим вопросам, – она протянула Радецкому заранее приготовленный листок. – Нам обоим очень важно не выбиться из сроков, потому что они и так крайне сжатые. Ответ я бы хотела получить сегодня к вечеру, максимум завтра утром. Всего доброго, Владимир Николаевич. Не смею больше вас задерживать.

– Всего доброго, – он встал, демонстрируя хорошие манеры.

Манеры Влада ценила, особенно в мужчинах, поскольку в привычной повседневности хорошее воспитание случилось встретить нечасто. Не парились современные мужчины галантностью. Или это был побочный эффект женской борьбы за равноправие?

Свой бизнес Влада Громова открыла, когда ей было двадцать семь лет. За плечами у нее уже имелся первый развод, после которого она оказалась одна в чужом городе с пятилетним сыном на руках. В этот областной центр она приехала вслед за мужем, который был отсюда родом, и, оставшись одна, могла рассчитывать только на себя. За прошедшие с той поры двадцать лет она исколесила всю страну, одна за рулем сначала старенькой «семерки», а потом и других своих машин, которые меняла по ходу того, как рос ее бизнес.

Поставки лекарств сначала дополнились медицинскими расходниками, а потом и сложным диагностическим и лечебным оборудованием. Влада умела выстраивать отношения с поставщиками, быстро разобралась в сложном мире тендеров и госзакупок, контракты исполняла четко и быстро, открыла сервисное направление, которое сопровождало технику уже после того, как все гарантийные обязательства были исчерпаны, за длинным рублем не гналась, на качестве не экономила, а потому репутацию имела крепкую, хотя из-за несгибаемой воли и умения разговаривать жестко считалась жуткой стервой. С ее точки зрения, это был комплимент.

Несмотря на то что всю свою жизнь она выстроила самостоятельно и проблемы всегда решала только сама, не рассчитывая ни на чью помощь, и не родился еще тот

мужчина, от которого бы она зависела, в гендерное равноправие Влада Громова не верила. В ее картине мира женщины, даже самые сильные и самостоятельные, все равно имели право на слабость, а мужчины должны были как минимум отрывать пятую точку от стула, когда дама встает, открывать ей дверь и подавать пальто. Вот такая она была несовременная.

Дверь в приемную Радецкий перед ней распахнул и невесомую шубку подал, быстрым взглядом (Влада заметила) оценив ее качество и стоимость. Легкая ухмылка, та самая, которую она терпеть не могла, на мгновение исказила его лицо и пропала. Тьфу. И почему под его взглядом ей хочется украдкой глянуть в зеркало, чтобы проверить, все ли в порядке.

Зеркало в приемной, впрочем, было, и Влада, завязывая шелковый шарфик на шее, встала перед ним с невозмутимым видом. С отражением все было хорошо, насколько это возможно при условии, что тебе сорок семь, у тебя взрослый, состоявшийся в жизни сын, а также косметолог с золотыми руками и деньги, чтобы его услуги оплачивать. Тьфу. Она уже и не помнила, когда последний раз думала о том, как выглядит, ибо обладала железобетонной уверенностью в себе.

– Я жду перечень предложений, – чуть более жестким тоном, чем этого требовали обстоятельства, сказала Влада, – до свидания.

– До свидания, Владислава Игоревна, – ответила ей секретарша Анечка, а Радецкий молча повернулся и скрылся в своем кабинете. Конечно, он уже попрощался с ней до этого, но почему-то его безразличие Владу задело.

Чувствуя себя сердитой и от этого еще более невыспавшейся, она отправилась искать завхоза. В кабинете его не

оказалось, но Владу это не смутило. Тихомиров постоянно мотался по больнице, требовавшей его хозяйского глаза. Конечно, можно было позвонить, но, немного подумав, Влада решила для начала посмотреть в помещении, отведенном под новую операционную. Ее ребята как раз перетаскивали завезенное оборудование, так что, скорее всего, Олег был там.

Местоположение для гибридной операционной выбрали таким образом, чтобы, с одной стороны, было возможно провести укрепление стен для защиты от радиоизлучения, а с другой — чтобы будущая транспортировка больных осуществлялась максимально быстро. Именно поэтому для нее отвели часть левого крыла первого этажа, грузовой лифт из которого вел на третий, к отделению хирургии, и на четвертый — в реанимацию.

Администрация больницы располагалась на втором этаже, поэтому Влада не спеша двинулась по коридору, миновала клиническую лабораторию и вышла на лифтовую площадку. Здесь же был и выход на лестницу.

На мгновение она задумалась, спуститься на два пролета пешком или все-таки вызвать лифт. Она не любила физическую активность и всегда старалась ее минимизировать, но лифтов было только два, и ждать ради одного этажа казалось довольно глупо. Кроме того, она знала, что Тихомиров лифтами никогда не пользуется, предпочитая ходить пешком. Этажей за день получалось пройти много, но он утверждал, что так борется с лишним весом.

Интересно, как с ним боролся Владимир Радецкий, в высокой, подтянутой фигуре которого не было ни одного ненужного килограмма? Тоже не пользовался лифтами? То, что ее мысли снова вернулись к главному врачу, да еще применительно к его внешности, Владу неожиданно рас-

сердило. Из-за этой внезапно вспыхнувшей злости на саму себя она, нажав было кнопку вызова лифта, резко шагнула к двери на лестницу, чтобы в наказание себе идти пешком.

За дверью, которую она не успела открыть, кто-то шептался. Точнее, говорил, понизив голос, но так, что слова все-таки можно было разобрать.

– Он ушел. Только что. Он так расстроился, что я думала, у него гипертонический криз будет. Слушайте, мне как-то не по себе. А вдруг она не пришла на работу из-за того, что я сделала? Может быть, надо рассказать? Нет? Вы уверены?

Почему-то Влада сразу поняла, что речь идет о не вышедшей на дежурство медсестре Юле и расстроившемся из-за этого завхирургией Королеве. Впрочем, ей эта тема была ни капельки не интересна, да и подслушивание не входило в жизненные правила Влады Громовой, поэтому она сделала еще один шаг к двери, чтобы выйти на площадку к возможному смущению стоящей там девушки, ибо приглушенный голос точно был женский, однако тут наконец пришел вызванный ею лифт и из него вышел Тихомиров собственной персоной.

– О, звезда моя, – приветствовал он Владу, раскрывая объятия, но почему-то без привычной улыбки, – я так рад тебя видеть. Не по мою ли ты душу?

– По твою, Олег, – улыбнулась она, моментально забыв про голос на лестнице, который к тому же уже стих, едва зазвучал баритон Тихомирова. – Давай вместе в будущую операционную сходим, там ребята мои должны работать, покажешь, куда и чего складывать.

– А я как раз оттуда, – сообщил завхоз. – Пацанчику, который у тебя за старшего, две связки ключей выдал, где доступ к электрощитку, показал. Обижаете вы меня, звезда

моя. Думаешь, не справится дядя Олег без контроля? Не доверяешь, да?

«Пацанчик», руливший проектом и всеми рабочими на объекте, был Владе ровесником и уж точно лет на пять старше «дяди Олега», – но указывать на это несоответствие она не стала, с некоторых пор тема возраста была для нее если не болезненной, то уж не радостной точно.

– Доверяю, Олежек, – сказала она, – разумеется, доверяю, но все-таки не сочти за труд, спустись со мной туда еще раз, вопрос слишком серьезный, чтобы мы с тобой пускали его на самотек.

– Веревки ты из меня вьешь, – пробурчал завхоз, – ладно, пошли, ни в чем не могу тебе отказать.

– Лифт вроде не уехал, – сказала Влада.

– Нет, лучше пешком, – ответил завхоз.

Да, он никогда не пользовался лифтом, и Влада вдруг застыла от осознания того, что минутой раньше Тихомиров вышел именно из него, хотя вся больница знала, что он предпочитает подниматься и спускаться по лестнице.

– Олег, а как ты в лифте оказался? – выпалила она. – Ты же их терпеть не можешь. В жизни не поверю, что ты с первого этажа на второй вдруг решил в лифте прокатиться.

– Так я и не с первого, – ответил он довольно нервно, – а с двенадцатого, у нас там капремонт урологии. Ты что, не в курсе?

– Так ты же сказал, что из будущей гибридной операционной идешь, – оторопело сказала Влада. Это было совсем неважное уточнение, но выходящий из лифта Тихомиров был явлением, прямо скажем.

– Так я сначала туда спустился, потом в урологию поднялся. Звезда моя, да тебе-то какое дело до моих перемещений, я никак в толк не возьму?

– Да никакого, – пожала плечами Влада, – ты со мной вниз пойдешь или нет?

– Да я уже пошел, это ты стоишь и болтаешь, – в сердцах сказал Тихомиров. Впрочем, тон его голоса тут же сменился на заискивающий: – Влад, ты это, никому не говори, что меня в лифте видела. Я им иногда пользуюсь, ноги-то все-таки не казенные, но только так, чтобы никто не знал. Не порти мне имидж, я тебя умоляю.

Так вот в чем было дело. Влада внезапно рассмеялась, что «мальчуковые» тайны могут быть такими же глупыми и детскими, как и «девочковые». Типа съеденного на ночь пирожного.

– Клянусь, что никому не скажу, – заверила она и приложила руку к груди. – Пошли, Олег, посмотрим вместе все еще раз.

* * *

На 9:30 утра у Радецкого было назначено ежедневное совещание с заместителями и заведующими отделений, которые к этому времени успевали принять отчеты у дежурных бригад. В течение часа они вместе сводили «температуру по больнице». Врать никто давно не пытался, так как свой рабочий день Радецкий начинал в восемь утра с обхода отделений, в половине девятого заходил в реанимацию, поскольку именно там находились самые тяжелые больные, где-то без десяти девять возвращался в свой кабинет, чтобы в одиночестве выпить чашку кофе, сидя на диване и бездумно глядя в окно. Эти десять минут он считал своеобразной медитацией и очень ценил.

Ровно на девять назначалась первая аудиенция кому-нибудь из сторонних посетителей, как, например, сегодня Владиславе Громовой, владелице и директору фирмы «Мед-

Систем», реализующей в его больнице большой и сложный контракт на оборудование гибридной операционной – ультрасовременной, сложной, требующей совершенно иных подходов и к монтажу, и к будущему лечению пациентов.

На то, чтобы убедить областное министерство здравоохранения в необходимости реализации такого амбициозного и, что греха таить, дорогостоящего проекта, Радецкий потратил больше года. У него даже поставщики были на примете – крупная московская компания, в репутации которой он не сомневался. Поэтому когда по итогу конкурса выяснилось, что победителем стала фирма «Мед-Систем», тоже в течение года разрабатывавшая свой проект, он не то чтобы расстроился, но слегка огорчился, ибо обладал немного снобистским убеждением, что ничего хорошего провинциальные специалисты сделать не могут. Не в состоянии.

Изучив историю работы «Мед-Систем» на рынке, он малость успокоился, потому что репутация у Владиславы Громовой была безупречная. Объекты она сдавала без малейших претензий, гарантийный сервис и обучение специалистов брала на себя без дополнительных расходов больницы и послегарантийное обслуживание тоже оставляла за собой, причем делала это по очень божеским ценам, отправляя нужных специалистов, если это было необходимо, даже ночью, в выходные и праздники.

Радецкий и Громова раньше встречались, он видел ее мельком на каком-то совещании, где обсуждалась закупка для больниц региона эндоскопических стоек, но только сегодня впервые разглядел по-настоящему. Она была очень маленькой и хрупкой, но при этом от нее исходило такое ощущение внутренней силы, что становилось интересно разгадать, откуда она берется.

На совещании с заведующими отделений Радецкий вдруг поймал себя на том, что ему требуется некоторое усилие, чтобы сосредоточиться на привычных утренних отчетах, потому что мыслями он все время возвращался к тонкой гибкой фигурке в черном брючном костюме и пепельно-розовой шелковой блузке с большим бантом. Бант отчего-то хотелось развязать, что было совсем уж глупо. Так, надо сосредоточиться.

Впрочем, сосредоточиться Радецкий не успел, потому что распахнулась дверь и на пороге показалась Мария Степановна Петровская, старшая сестра кардиохирургического отделения, одна из старейших и самых уважаемых сотрудников больницы. Главной особенностью Марии Степановны была ее полная невозмутимость, которую она сохраняла даже в самых экстремальных ситуациях. Вот и сейчас лицо ее было совершенно неподвижно, только грудь вздымалась под белым халатом, который Петровская по старинке носила, не соглашаясь переходить на современные костюмы. И еще левый кулак был сжат, что выдавало наивысшую степень волнения.

Сзади маячила секретарша Анечка, не решившаяся остановить идущий напролом крейсер, коим, несомненно, была Петровская. При взгляде на нее заведующий кардиохирургией Максим Сергеевич Петранцов вскочил со своего места, с грохотом уронив кресло. Радецкий движением брови заставил его поднять кресло и сесть. Суматохи он не любил.

– Что-то случилось, Мария Степановна? – спросил он на правах хозяина кабинета. – Аня, стакан воды принеси, пожалуйста.

Секретарша тут же исчезла, из приемной послышалось звяканье стекла и шум льющейся воды.

– Владимир Николаевич, Максим Сергеевич, у нас ЧП, – с некоторым трудом выговорила Петровская.

Радецкий вдруг напрягся, подумав, что случившееся связано с не вышедшей вчера на работу медсестрой. Мысль пришла откуда-то из глубины подсознания, хотя еще час назад до прогульщицы Юлечки, зазнобы завхирургией Королева, ему не было никакого дела.

– Что такое?

– У нас в отделении умерла пациентка. Сейчас Катя пришла капельницу ставить и обнаружила тело.

Конечно, каждый случай больничной смертности сильной радости не приносил, но и чем-то из ряда вон выходящим, могущим привести Петровскую в такое состояние, не являлся. Особенно в отделении кардиохирургии. Что-то было не так, и Радецкий вдруг отчетливо понял, что после того, как Петровская объяснится, ничего уже будет не поправить.

– Мария Степановна? – с чуть большим нажимом в голосе произнес он.

Пожилая медсестра приняла стакан с водой из рук подоспевшей Анечки, сделала несколько глотков, шумно, некрасиво, как никогда не позволяла себе, будучи всегда преисполнена чувства собственного достоинства.

– Это Ираида Сергеевна Нежинская, – сказала она наконец, сунув Анечке обратно стакан, – пациентка восьмидесяти трех лет, поступила с приступом мерцательной аритмии в ночь на воскресенье, изначально речь шла об установке кардиостимулятора, но приступ ей сняли, готовили к выписке.

Бормотание Петровской, надо признать, мало что объясняло. Старушку готовили к выписке, а у нее случился новый приступ, который персонал прошляпил и своевременно помощи не оказал. Нехорошо, но если эта самая Нежинская

не была подключена к монитору, то такое вполне могло быть. Правда, странно, почему, почувствовав себя плохо, она не нажала кнопку вызова медсестры. И странно, что Петровская так волнуется.

– Мария Степановна! – теперь в голосе Радецкого проступил металл.

Он умел разговаривать так, что сотрудники съеживались на глазах, стараясь стать невидимыми. До сего момента на старейшую медсестру больницы, на «крейсер» Петровскую этот тон никогда не распространялся. Когда-то она была его, Радецкого, хирургической сестрой, с которой он шел на свои первые в этой больнице операции, те самые, благодаря которым запатентовал свой уникальный в сосудистой хирургии метод и написал диссертацию. Тогда, после защиты, он честно сказал Марии Степановне, что добрая половина этой диссертации – ее заслуга.

Металл подействовал. Петровская встрепенулась и словно собралась. Даже кулак разжался.

– Нежинская умерла не от нового приступа, – сказала она тихо. – Она вообще не умерла, Владимир Николаевич. Ее убили. Задушили подушкой прямо в палате.

В кабинете Радецкого воцарилась гробовая тишина. Он тоже молчал, пытаясь осознать услышанное. Пациентку убили в больничной палате, задушив подушкой. Это же бред какой-то.

– С чего вы это взяли, Мария Степановна? – спросил он, вставая из-за стола, подошел к Петровской, обнял за плечи, чувствуя, как она дрожит под его руками. Не такой уж она была и «крейсер», да и не девочка уже, семьдесят два года.

– Когда Катя в палату зашла, у нее подушка на лице так и лежала, – тихо пояснила медсестра. – Катя закричала, я прибежала, девочки с поста, потом мы Александра

Яковлевича позвали, Максим Сергеевич же на совещание к вам ушел.

Александром Яковлевичем звали самого опытного в их больнице кардиохирурга.

– Он сказал, что Ираида Сергеевна умерла от асфиксии. Отправил меня сюда, чтобы я вас в известность поставила. Ну, и Максима Сергеевича тоже.

Завкардиохирургией криво усмехнулся, ибо все в больнице знали об особых нежных отношениях, которые связывали Радецкого и Петровскую.

– Я, пожалуй, пойду к себе, Владимир Николаевич, – сказал он, – надо посмотреть, что к чему, палату закрыть, чтобы там ничего не затоптали, проследить, чтобы до пациентов раньше времени информация не дошла. Мария Степановна, я надеюсь, Александр Яковлевич догадался панику остановить?

– Да, он палату запер, сестрам велел пока не болтать. – Петровская уже заметно успокоилась, к ней возвращалась ее привычная невозмутимость. – Правда, Катя громко кричала, стойку с капельницей уронила от испуга, так что, думаю, пересуды по отделению уже пошли.

– Идите, Максим Сергеевич, – кивнул Радецкий. – Позвоните мне, пожалуйста, все ли действительно так обстоит, как Мария Степановна рассказывает, а то я буду смешно выглядеть, если позвоню в полицию, а потом выяснится, что мы переполох на пустом месте устроили.

– Я не устраиваю переполоха на пустом месте, уж вам-то, Владимир Николаевич, это прекрасно известно, – величаво сказала Петровская. Вот теперь он ее узнавал. – Я сама убедилась в том, что ситуация именно такова. Но воля ваша, пусть Максим Сергеевич еще раз все проверит.

– Позвоните мне, я вызову полицию и поднимусь к вам, – кивнул Радецкий. – Коллеги, пока Максим Сергеевич ходит, у нас есть с вами минут семь-восемь, чтобы обсудить самые важные вопросы. Подозреваю, потом у нас времени не будет. Итак, у кого что?

Ему показалось или Петровская посмотрела на него с уважением и какой-то почти материнской гордостью. Что ж, он всегда умел отделять важное от незначительного и время использовал максимально, каждую имеющуюся минуту. До звонка Петранцова он успел обсудить тяжелого больного, поступившего в травматологию с открытой черепно-мозговой травмой, и необходимость консультации с нейрохирургами из института Поленова в Санкт-Петербурге, которую пообещал организовать, а заодно, вспомнив утренний пожар, выяснить, что в ожоговое отделение Центра катастроф поутру никого не привозили. Значит, в том пожаре не было либо пострадавших, либо выживших.

Телефон зазвонил, и все присутствующие вздрогнули.

– Да, Максим Сергеевич, – бесстрастно сказал Радецкий, заранее зная, что услышит.

– Пациентка действительно задушена, вызывайте полицию, Владимир Николаевич, – немного задыхаясь от волнения, сказал завкардиохирургией.

– Понял. Сделаю. Иду к вам, – односложно ответил Радецкий. – Коллеги, на сегодня все. И в прямом, и в переносном смысле. Анечка, – секретарша заглянула в открытую дверь, – отмени на сегодня все остальные совещания. Как минимум до трех.

– Владимир Николаевич, в 10:30 представители территориального фонда ОМС придут. Они уже явно выехали, – напомнила девушка.

Встреча с фондом была действительно важной, но не проводить же ее в то время, когда двумя этажами выше ходит полиция.

– Звони на мобильники и отменяй. Только, ради всего святого, не говори, что у нас тут убийство, будь добра, не пугай господ чиновников раньше времени.

– Да я ж понимаю, Владимир Николаевич, – с укоризной сказала секретарша.

– Кстати, всех касается. Постарайтесь пока удержаться от того, чтобы разнести эту чудесную новость по своим отделениям, по крайней мере пока мы сами не пойдем, что именно случилось. Хорошо?

Уже покидающие кабинет заведующие отделениями что-то забурчали вразнобой, но, зная человеческую природу, особо Радецкий не обольщался. Он был уверен, что информация о том, что в кардиохирургии задушили пациентку, разнесется по больнице со скоростью огня, а затем так же стремительно вырвется за ее стены, а также выплеснется в интернет. На последней мысли он поморщился и, вздохнув, начал искать в телефонной книге нужный ему номер.

Полковник Иван Бунин, возглавляющий городское управление внутренних дел, был ему, нет, не другом, но приятелем, с которым они столкнулись лет пять назад на каком-то из официальных мероприятий и с тех пор периодически общались. До этого момента Иван Александрович к помощи Радецкого пару раз прибегал, а вот оказать обратную услугу пока повода не было. Надо же, Радецкий был искренне уверен, что и не будет, а зря. Как говаривал Плиний-старший, можно быть уверенным лишь в том, что ни в чем нельзя быть уверенным.

Трубку Бунин взял после второго гудка, что при его должности и степени занятости было сродни чуду, коротко

поздоровался, выслушал четкое, по-военному, сообщение Радецкого, в сантименты впадать не стал, сообщив, что все понял и группу сейчас пришет, после чего отключился. Видимо, и правда был занят.

Телефон тут же завибрировал снова. Радецкий бросил взгляд на экран и вздохнул – звонил тот самый директор территориального Фонда обязательного медицинского страхования, встречу с которым он пять минут назад отменил. Будучи сам фактически если не чиновником от медицины, то уж администратором точно, всех околomedicalных чинуш он терпеть не мог, считая их паразитами, присосавшимися к и так обескровленному организму российского здравоохранения.

Однако финансирование больницы зависело от мнения этих похожих на снулых рыб мужчин и женщин с пустыми, ничего не выражающими глазами. Для врачей за каждым пациентом стояла его жизненная история, полная боли, страха, волнений близких. Для чинуш – только цифры горизонтального подушевого финансирования прикрепленных лиц, если речь шла об амбулаторном звене, и КПГ с КСГ, когда речь шла о стационарах.

– Слушаю, Григорий Михайлович, – смиренно сказал Радецкий в трубку.

– Нет, это я тебя слушаю, Владимир Николаевич. Ты что, совсем охренел, что за сорок минут до назначенного тобой же времени встречу отменяешь? Это мне, что ли, надо? Это же тебя доведенные тарифы не устраивают, это же ты срыв подписания тарифного соглашения пытаешься устроить, так с какого ежа ты себе такое позволяешь?

Всех людей в своем окружении, за исключением самых-самых близких, Владимир Радецкий звал по имени-отчеству и на «вы». Это была привычка, въевшаяся в кровь с первого

курса мединститута, где им, юным студентам, читали лекции по деонтологии. Панибратство он терпеть не мог и пресекал всегда жестко и бескомпромиссно.

– Вы, Григорий Михайлович, так сильно-то не напрягайтесь, – ласково сказал он, делая упор на слове «вы». – У меня, знаете ли, больница. Это хозяйство большое и довольно беспокойное. Тут много чего случиться может. Вот и случилось. У нас ЧП, из-за которого встретиться я с вами, – он снова выделил это слово, нарочито, с нажимом, – не могу. И поверьте мне, уважаемый, – последнее слово было произнесено так, что интонация полностью меняла смысл на противоположный, – вы сами потом скажете мне спасибо, что наша встреча не состоялась в запланированное время.

– Да что у вас там такое случилось-то? – с тревогой спросил голос в трубке. – Владимир Николаевич, что-то серьезное?

– Позже узнаете, мне пора идти, – ответил Радецкий и отключился.

От того, что ему предстояло, его немного знобило. Несильно, но довольно ощутимо. Убийство в больнице... Мало что могло с этим сравниться по разрушительной силе последствий. Когда это произошло? В районе семи утра сестры разносят пациентам градусники. В семь пятнадцать – семь тридцать начинается уборка палат. В восемь утра завтрак. Сейчас его тоже разносят по палатам, чтобы минимизировать общение пациентов друг с другом. Получается, что в это время Нежинская была еще жива.

После девяти утра начинается выполнение врачебных назначений. Медсестра Катя пришла в палату Нежинской, чтобы поставить капельницу, так сказала Петровская, и обнаружила старушку задушенной. К нему в кабинет Петровская прибежала в девять сорок пять, какое-то время, разу-

меется, ушло на переполох, значит, можно предположить, что Катя появилась в палате старушки между девятью двадцатью — девятью тридцатью пятью. И та уже была мертва.

С восемью тридцати, когда забирают посуду после завтрака, до девяти утра, когда сестры начинают выполнять предписания, есть тридцать минут, в которые в палаты никто не заходит. Ну да, убийца мог все успеть. Времени у него было с запасом. Пожалуй, эту информацию нужно будет донести до полицейских, хотя они и сами, разумеется, догадятся спросить о больничном распорядке дня.

Самым противным во всех этих рассуждениях являлся непреложный факт, что убийцей старушки был кто-то свой, из персонала. Из-за карантина доступ посторонних в стационары был давно прекращен, да и точное время, когда в палате пациентка гарантированно находилась одна, мог знать только свой. И в палату зайти так, чтобы не вызвать подозрений, тоже мог только свой — врач, медсестра, санитарка — человек, чьему появлению на этаже никто не придал бы значения.

Никого из своих сотрудников Радецкий даже на мгновение не мог представить в роли хладнокровного преступника, накрывающего подушкой лицо пожилой женщины. И именно эта неготовность признать очевидное и не давала ему выйти из кабинета и подняться на шесть лестничных пролетов. Кардиохирургическое отделение располагалось на пятом этаже, над блоком интенсивной терапии — реанимацией, что с точки зрения логистики было удобно. Иногда, а вернее, всегда от скорости перемещения зависела человеческая жизнь.

Оба лифта были заняты, и Радецкий решил подняться в кардиохирургию пешком. По дороге он позвонил своему заместителю по хозяйственной части, чтобы тот попросил

охрану на входе пропустить приехавших сотрудников полиции и проводить до места.

– Полиция? В кардиохирургию? Хорошо, – если Тихомиров и изумился, то вида не показал.

– Вы сами-то где?

– На первом этаже, в гибридной операционной, мы тут с Громовой помещения осматриваем. Я бы сам полицию встретил, но мне Владислава Игоревна претензии выговаривает по качеству ремонта, так что, если это не очень важно...

– Олег Павлович, просто организуйте все. А сами или нет, не имеет значения. И про претензии давайте вы мне рассказывать не будете, хорошо? Это ваша зона ответственности.

Не дослушав какое-то бормотание в ответ, Радецкий отключил телефон и, дойдя до нужной лестничной площадки, дернул за ручку двери, с некоторым удивлением обнаружил, что она заперта, и тут же вспомнил, что вчера в холле кардиохирургического отделения меняли половую плитку, а потому на сутки выход на лестницу был заблокирован. Попасть в кардиохирургию можно было только на лифте.

Беззлобно ругнувшись, потому что собственная забывчивость давала еще пусть и небольшую, но передышку, он спустился на четвертый этаж, к реанимации, и там вызвал лифт, на котором поднялся на нужный ему пятый. Ну да, тропинка от лифтов была огорожена красной лентой, пройти за которую к выходу на лестницу было невозможно.

У палаты номер десять толпился народ. Радецкий усмехнулся. Конечно, кто же добровольно откажется от такого развлечения. Дверь в палату была открыта, но перед ней в позе императора стоял Петранцов, перекрывая доступ

внутри потенциальным любопытствующим. Больных в коридоре было немного, и на том спасибо.

– По рабочим местам разойдитесь, пожалуйста, – сухо сказал он, подходя ближе. – Максим Сергеевич...

– Все, что смог, – признался заведующий.

– Девочки, давайте все за мной, – Мария Степановна и тут оказалась на высоте, взяв бразды правления медсестрами в свои надежные руки. – Жду вас в моем кабинете, поговорим.

– А как же капельницы? – робко сказала рыженькая девушка в конопушках, та самая Катя, которая нашла тело. – Я не закончила, когда, когда... – Лицо ее сморщилось. Девушка явно собиралась зарыдать.

– Лида закончит, – твердо сказала Мария Степановна. – Лидушка, забери у Кати лист назначений, ей с полицией общаться.

– Так я еще со своими назначениями не разобралась.

– Вот и разбирайся, а не стой в коридоре столбом, – в голосе Петровской возникла жесткость. – Девочки, хлопот сегодня предстоит много, давайте сделаем так, чтобы это минимально сказалось на работе.

Толпа у палаты изрядно поредела. Сейчас здесь остались только врачи Максим Сергеевич и Александр Яковлевич.

– Посмотрите? – спросил Петранцов у Радецкого.

– Не считаю нужным топтать еще больше, – ответил тот. – Расскажите.

– Я был в ординаторской, на обход собирался, – начал Александр Яковлевич. – У меня на одиннадцать часов операция назначена, вот, хотел успеть. В коридоре послышался дикий визг, такой, знаете, по которому сразу понятно, что действительно что-то случилось. Я выскочил в коридор, уви-

дел Марию Степановну, которая бежала к десятой палате, а на пороге Катюшу. Она стояла в дверях и кричала. Мария Степановна подбежала, обняла ее за плечи, тут и я подошел. В общем, Катя твердила «убили, убили», я никак не мог понять, что она имеет в виду, заглянул в палату и увидел.

– Что именно?

– Пациентку с подушкой на лице.

– Получается, Катя ее не поднимала?

– Нет, это сделал я. Я в первый момент не поверил, что случилось что-то плохое. Знаете, Владимир Николаевич, эта Нежинская была немного со странностями, так что я решил, что она сама положила подушку себе на лицо.

– Зачем?

– Не знаю. Может, чтобы медсестру напугать, или чтобы темнее было, или еще по какой-то неведомой причине. Когда я поднял подушку, я понял, что Нежинская мертва.

– Она ваша пациентка?

– Что? Нет, Светочки Балуевой. Но пациентка была крайне общительна, поэтому с ней все отделение было хорошо знакомо. И врачи, и сестры.

– А Светлана Георгиевна сама где? – отсутствие на месте преступления лечащего врача выглядело странно.

– На операции. У нее сегодня первая операция, у меня – вторая.

Получалось, Балуева до сих пор не знала о том, что ее пациентку задушили.

– Понятно, что вы, с вашим опытом, с первого взгляда можете отличить мертвого человека от живого. Но как вы поняли, что она именно задушена?

– Так же, как и я, – вмешался в разговор Петранцов. – Выраженный цианоз лица и шеи, а еще на губах кровоизлияния видны от того, что их с силой к зубам прижимали.

Александр Яковлевич кивнул, соглашаясь, что да, так и есть.

– Я, конечно, пульс проверил на всякий случай, хотя и так все было понятно. И да, тело еще теплое, так что к тому моменту, как Катя ее обнаружила, времени прошло немного.

– От двадцати до сорока минут, – мрачно сообщил Радецкий. – Но точно меньше часа.

– Откуда вы знаете?

– Из нашего внутрибольничного расписания. Александр Яковлевич, подушку вы куда дели?

– На место вернул.

– Что????

– И я тоже, – вмешался Петранцов. – Было понятно, что бабушке уже не помочь, а для полиции каждая мелочь важна. Так что я тоже оставил все так, как было.

В отделении появились полицейские, сопровождаемые охранником Василием Петровичем. У Радецкого была привычка запоминать имена-отчества всех сотрудников больницы, включая охранников, которые, правда, довольно часто менялись. Но именно этот работал довольно давно, больше года точно.

Отправленную полковником Буниным оперативную группу возглавлял довольно симпатичный парень лет тридцати пяти, представившийся майором Асмоловым. Следователь назвал себя Михаилом Евгеньевичем Зиминым. Судмедэксперт и еще два молодых парня-оперативника никак не представились, а просто прошли в палату.

– Кто тут старший? – спросил Зимин.

– Я главный врач, меня зовут Владимир Николаевич Радецкий. Это заведующий отделением Максим Сергеевич Петранцов. Это доктор Теплицкий Александр Яковлевич, он первым констатировал смерть нашей пациентки.

– Вы нашли тело? – повернулся следователь к Теплицкому.

– Нет, наша медсестра. Катенька. Вот она, – он жестом подозвал дрожащую крупной дрожью девушку, стоявшую чуть в стороне.

– Хорошо. Для начала, Владимир Николаевич, я получил распоряжение от руководства начать разговор с вас. Сейчас я посмотрю, что там, – он кивнул в сторону палаты, из которой раздавались негромкие голоса его коллег. – Потом вы нам с Олегом все расскажете, а после этого мы уже опросим всех остальных. Можно попросить, чтобы никто не покидал больницу, пока мы не закончим?

– Да, пожалуйста, – кивнул Радецкий.

– У меня операция через полчаса, – растерянно сказал Теплицкий. – Пациента уже подготовили, я не могу на нее не прийти или опоздать.

– Идите в операционную, Александр Яковлевич, – мгновенно принял решение Радецкий. – Мы с Максимом Сергеевичем расскажем все, что знаем, да и Мария Степановна нам поможет, она же была в палате вместе с вами. Вон она идет. Господин Зимин, вы сможете поговорить с доктором Теплицким позже?

Тот полоснул всех острым, внимательным, но не злым, а скорее оценивающим взглядом.

– Да, конечно. Работайте. Владимир Николаевич, где мы можем поговорить?

– Проходите в мой кабинет, – предложил Петранцов. – Там будет удобно.

– Хорошо. Олег, – обратился следователь к Асмолову, – ты пока с девушками поговори, – он кивнул в сторону дрожащей Кати и подошедшей к ней Марии Степановны.

Та, видимо, успешно отправила остальных медсестер по рабочим местам и вернулась в эпицентр событий. Петровская всегда оказывалась именно там, где в данный момент была нужнее всего, такая у нее имелась особенность.

В кабинете Петранцова Радецкий быстро, но обстоятельно рассказал все, что ему было известно о случившемся, а также о собственных выводах, которые он успел сделать. Следователь слушал его внимательно, не перебивая, делая пометки в своем блокноте.

– То есть вы считаете, что убийство совершил кто-то из персонала? – спросил он, когда Радецкий закончил.

– Я ничего не считаю, но с учетом карантина и особенностей внутреннего распорядка больницы у посторонних практически не было шансов попасть в палату незамеченным.

– А вы спрашивали у персонала, они видели кого-то незнакомого?

– Нет, не успел. Думаю, это ваши сотрудники сделают и без меня.

– А вы, как заведующий отделением, могли бы составить план примерных перемещений ваших сотрудников? – обратился следователь к Петранцову.

– Да, это довольно просто, – пожал плечами тот.

– Пока получается, что в палату к Нежинской точно заходила дежурная медсестра, которая разбудила старушку и принесла ей градусник, затем она же, когда забирала градусник и приносила дневную порцию таблеток, затем раздатчица, которая оставила завтрак, и снова она же, когда уносила пустые тарелки. Следующей уже была эта самая Катя, которая нашла труп. Так?

– Да, пожалуй, так, – согласился тот. – Лечащий врач была с утра на операции, поэтому обход у нее планиро-

вался позже. Да, никто больше к Нежинской не должен был заходить.

– Но, возможно, заходил, – задумчиво сказал Зимин. – Причем необязательно кто-то посторонний, если принять во внимание слова Владимира Николаевича, это вполне мог быть кто-то из персонала больницы или даже непосредственно этого отделения.

– И кому из моих сотрудников могло прийти в голову задушить старушку, – чуть нервно, но иронически уточнил Петранцов. – Сразу скажу, что пациентка была болтливая, но совершенно беззлобная. Недовольства существующими порядками не выражала, особого внимания к себе не требовала, персонал жалобами не изводила, лечением была вполне удовлетворена. Вот ни у кого из сотрудников отделения не имелось ни малейших причин желать ей смерти. Да не просто желать, а еще и в прямом смысле слова приложить к этому руки.

– А, кстати, – Радецкий вскинул голову, как норовистый конь, решивший выяснить отношения с чужаком, – это же основной вопрос на самом деле. Кому нужно лишать жизни старую больную женщину, да еще в больнице? Может, ее наследники ждут какого-то огромного состояния?

– Разумеется, мы изучим ее семейные связи и проанализируем все версии, – сухо сказал Зимин. – Однако, как вы верно заметили, в нынешние времена в больницу трудно проникнуть посторонним, да еще так, чтобы их никто не видел. Странно, что преступник даже не пытался имитировать естественную смерть. Если бы пожилая женщина, лежащая в кардиохирургическом отделении, просто умерла во сне, вряд ли это кого-нибудь удивило бы. Ему стоило всего лишь убрать подушку обратно ей под голову, и криминальный характер смерти был бы очевиден.

– Недолго, – Радецкий пожал плечами. – Я, конечно, не патологоанатом, но моих знаний хватает для того, чтобы предположить, что именно судмедэксперты увидят на вскрытии. Во-первых, волокна ткани в дыхательных путях. Наволочки у нас не самой тонкой выделки, так что волокна будут довольно грубыми. Плюс венозное полнокровие внутренних органов, переполнение кровью правой половины сердца, пересыщенная углекислым газом, а оттого очень темная кровь в крупных сосудах. Плюс пятна Тардые – мелкие точечные кровоизлияния под наружными оболочками сердца и легких, поскольку при обтурационной асфиксии, впрочем как и при любой другой, повышается проницаемость капилляров. Оба моих коллеги при первичном осмотре тела установили наличие характерных синяков на губах.

– У нее на щеках виден отпечаток от подушки, – с некоторым усилием сказал Петранцов. – И еще, я, конечно, смотрел не очень внимательно, но нос и губы как будто вмяты и более бледные, чем остальное лицо. Так что Владимир Николаевич прав – хоть убирай подушку, хоть оставляй, а для профессионала очевидно, что Нежинская умерла насильственной смертью. И даже если на стадии обнаружения трупа это как-то удалось бы скрыть, убедить медсестер, что смерть естественная, то при вскрытии все равно выяснилось бы, что это не так.

– Но, скажем, если бы убийцей были вы, вы бы попытались хотя бы на время оттянуть выяснение этого плачевного факта? – спросил следователь, внимательно глядя на Петранцова.

Тот побледнел.

– Я не могу быть убийцей, – сказал он с некоторым усилием. – Я привык людей спасать, а не лишать жизни, да еще так варварски – перекрывая доступ кислорода. Да

и незачем мне это совсем. Эта пациентка не моя, я ее не вел и ни разу с ней даже не разговаривал.

– Но вы сказали, что она была крайне общительной. Из чего вы сделали такой вывод, если с ней не разговаривали?

Радецкий с интересом смотрел на своего заведующего отделением. Логическая нестыковка была налицо, и ему стало интересно, как Максим Сергеевич из нее выкрутится. Того, впрочем, никак не взволновал вопрос, он просто слегка пожал плечами.

– Я в курсе всего, что происходит в моем отделении. Нежинская поступила в отделение в ночь с субботы на воскресенье, мы быстро стабилизировали ее состояние, об операции речь уже не шла, так что она почти сразу смогла вставать с постели. Я дежурил в воскресенье, поэтому видел, как она активно общалась с медсестрами на посту. И в остальные дни я тоже обращал внимание на то, что она находила любые свободные уши, чтобы пообщаться. К счастью, это был не я, да и не мог быть я, потому что мой перечень служебных обязанностей довольно широк, знаете ли.

– А вы можете сказать, с кем Нежинская общалась больше всего? Я не поверю, что все люди без исключения одинаково настроены на то, чтобы тратить свое время на болтовню с надоедливой старухой. Кто был готов вести с ней обстоятельные разговоры больше других?

Надо было отдать следователю должное, он был очень профессионален и умел вычленять главное. Радецкий ценил умных и профессиональных людей, поэтому Зимин вызывал у него симпатию.

– Из сестер, пожалуй, с Юлей Кондратьевой, – сказал Петранцов, подумав. – Она как раз дежурила в воскресе-

ные, и я видел, что Нежинская довольно долго на посту сидела и что-то рассказывала.

– Вы не слышали, что именно?

– Нет, не слышал.

– Что ж, тогда об этом мы спросим саму Кондратьеву, – кивнул Зимин. – Вы сказали, из сестер, а был еще кто-то из постоянных собеседников?

– Да, пациенты всегда разговаривают друг с другом. Конечно, у Нежинской была отдельная палата, но я во время обхода несколько раз заставал ее у моей пациентки Ольги Аркадьевны Гореловой. Она восстанавливается после операции по стентированию, лежит в палате номер восемь.

– Ясно, значит, с ней мы тоже поговорим.

– Боюсь, сегодня вам придется ограничиться одной Гореловой. С Юлей вы побеседовать не сможете.

– Почему?

– Дело в том, что она не вышла на работу. Вчера вечером не явилась на ночное дежурство и с утра тоже не давала о себе знать.

– Вот как. – Сейчас следователь был похож на большую сторожевую собаку, которая наострила уши, услышав что-то подозрительное.

Впрочем, подозрительное действительно было – в отделении убивают старушку, а наиболее часто контактировавшая с ней медсестра пропадает в неизвестном направлении. Такое совпадение Радецкому тоже категорически не нравилось.

– Ладно, видимо, придется поинтересоваться, куда затерялась эта ваша пропажа, – сказал Зимин. – Что еще вы оба можете мне рассказать?

– Я – ничего, – Радецкий пожал плечами. – Я имею привычку каждое утро выборочно обходить отделения, но в кардиохирургии сегодня не был.

– Я тоже рассказал все, что знаю, – кивнул Петранцов. – Понятия не имею, за что могли убить эту пациентку. Женщина была интеллигентная, тихая и вежливая. Убежден, что ни у кого из персонала не было ни малейшей причины плохо к ней относиться.

– И тем не менее она мертва, – мягко сказал Зимин. – И вы же оба уверяете меня, что шансов на то, что сюда проник посторонний, практически нет.

– Я не страус, чтобы прятать голову в песок при виде возможных неприятностей, – жестко сказал Радецкий. – Посторонним попасть в больницу сейчас крайне затруднительно, да и обстоятельства говорят в пользу того, что это сделал кто-то свой. Но вы же проверите все возможные вероятности, уважаемый Михаил Евгеньевич?

– Несомненно.

– Тогда, если у вас больше нет вопросов, мы с Максимом Сергеевичем вернемся к своим прямым обязанностям. Ему еще отделение успокаивать. Персонал на ушах стоит, и больные волнуются, что, с учетом специфики отделения, совсем не на пользу.

Дверь кабинета отворилась, и в него заглянула Светлана Балуева, лечащий врач убитой старушки, по всей видимости освободившаяся с утренней операции.

– Проходите, Светлана Георгиевна, – разрешил Радецкий.

– Здравствуйте, Владимир Николаевич, – поздоровалась та, входя и закрывая дверь. – Максим Сергеевич, извините, что без вызова, но что за ужасы мне тут рассказывают? Я выхожу из операционной и слышу, что Нежинскую задушили. Это же бред какой-то.

– Это не бред, это явь, – сообщил ей Радецкий. – Вот, познакомьтесь, следователь, который будет вести это дело.

Думаю, он захочет с вами поговорить, а я пока, с вашего позволения, откланяюсь. Максим Сергеевич, я очень вас прошу, наведите порядок в отделении, пока мы еще пару трупов не получили.

Восприняв молчаливый кивок Зимина за разрешение уйти, он вышел из кабинета и задумчиво остановился на пороге. До селектора с департаментом здравоохранения оставалось полчаса. По-хорошему их нужно было потратить на то, чтобы предупредить начальство о случившемся в больнице ЧП и визите полиции. Не докладывать же об этом во всеуслышание, право слово.

Оглянувшись на дверь, за которой Зимин остался разговаривать с Балуевой, он принял решение потратить эти полчаса иначе и быстрым шагом направился к палате номер восемь. В ней было четыре кровати и все, разумеется, заняты, однако Горелову он вычислил сразу, лишь бросив беглый взгляд на происходящее в палате. Три женщины, собравшись в кучку, о чем-то шептались, четвертая лежала ничком и горько плакала. Радецкий пододвинул стул и сел рядом.

– Ольга Аркадьевна, вам нельзя так расстраиваться, – мягко сказал он. – Надо успокоиться. Слышите? Я сейчас попрошу медсестру сделать вам укол.

Плачущая пожилая женщина открыла глаза и посмотрела на него.

– Вы кто? – спросила она с испугом. – Я вас не знаю.

Он почти физически считывал ее страх, практически панику. Интересно, она услышала о том, что ее приятельницу убили и так сильно испугалась? Почему?

– Я главный врач, – сказал он еще мягче. – Меня зовут Владимир Николаевич. Пожалуйста, не бойтесь меня, я не причиню вам вреда. Наоборот, мне важно, чтобы с вами и вашим здоровьем все было в порядке.